

Джоанна СТИНГРЕЙ:
«Гудбай, АМЕРИКА!»

Иллюстрированный еженедельник
 Weekly illustrated 35'1994
СОВБЕСЕДНИК

Нам понятен россиянин, который бежит в Америку — из России испокон веку бежали. Но чтоб американцы в Россию! Если, конечно, они не агенты ЦРУ или беглые коммунисты. Джоанна правела сюда в эпоху заката коммунизма, а что касается связей с ЦРУ, то машин чекисты сколько ни рыли, так ничего и не нашли. Но 10 лет в России — по нашим понятиям — близко к высшей мере наказания. А она ничего — тусуется, повт себе. И напела на 3 пластинки в прошлом, 2 комплекта в настоящем и еще одну пластинку в будущем. Об эту иностранку разбиваются все наши мифы об Америке.

— *Документы? Они не показали.*

— *Здесь, в России, у тебя много концертов?*

— *Мало. И в первую очередь потому, что у меня нет своей группы. Моя группа — это я и Саша Васильев, с которым мы живем вместе уже много лет и делаем новую музыку вместе. На концертах он играет на барабанах. Если случаются маленькие гастролы, поюют другие. Раньше в моего эскиза, была во всех уголках Советского Союза. Сейчас без оппонеров гастролы не сделаешь.*

— *Много говорят, что Сашиней жене альфа-мамаму, чем в Америке она ничем бы не добилась.*

— *Упомя, конечно, легче добиться здесь. В Америке слишком много артистов. Хотя первая пластинка у меня вышла там и проходила на полке магазина всего один день. Дело не в успехе. Просто человек, который не выиграл, обидел меня. Был суд, и тираж изымли. Случаю? Сейчас здесь тоже труднее. Если зона сейчас не очень много, то поп в кобальте. Я оказалась здесь случайно, не зная, что в России есть рок-музыка. И если кто-то придет с Запада делать в России карьеру, русские по меньшей мере удивятся. Меня они воспринимают уже как русскую. Я сюда приехала не за тем, чтобы делать карьеру. Я приехала за любовью. Здесь мой крош и мой крош.*

— *Была какой-то дураной фильма, а картина ты вроде замужем уже.*

— *«Урсул» где и снималась с Нинтой Виссочим. Мне позволили и предприняли сыграть, дали почитать сценарий. Я согласилась. Конечно, это не та роль, о которой и мечтала. Там — обычная, немногого слабая женщина. Марионна сделала ей номерок оклада, и она слишком любит его и делает для него все. Я по драматургии, могу сделать успешное кино.*

— *Женщина сказала, что ты — картина искусства?*

— *Нет. Но в России главный в доме — мужчина. А делать все должна женщина — готовить, убирать, мыть, чистить, делать покупки. У женщины здесь очень тяж-*

— *Все как-то, кроме одного — ну почему Россия-то?*

— *Единственный ответ — это судьба. Некому в Лос-Анджелесе в голову не придет поехать в Россию делать карьеру. Но моя девушка и бабушка — выходцы из России. Я их почти не помню, только то, что они говорили на странном языке. Поэтому можно считать, что я вернулась. Хотя у меня не было таких планов. Я приехала сюда туристом в начале 1984 года — изначально было посмотреть страну коммунистов. Потом в квартире Гребенникова и попала в рок-тусовку. Все получалось бездумно, без мысли о карьеры. Просто сидели и хорошо проводили время.*

— *Итак, ведь коммунисты победили тебя и ты оказалась в России?*

— *В то время мы мало знали о России, кроме того, что мы — враги. Да этого и много вардала и много мидала. Кроме коммунистов. Было страшно и интересно. КГБ выступил по полной программе. Самые предствители: американка, которая каждый три месяца приезжает в СССР. Японка, шпионка. А что здесь еще делать? Об этом они и спрашивали у мушкетеров андербурда. А те отвечали: она любит нашу музыку. Рылись в сумки, отоматрировали каскеты. Спражиди застали меня одну в комнате и попросили показать паспорт. Я им сказала: «Сначала предъявите ваши*

10 | Колесников 35/94

Главное отличие русских от американцев находится вне постели.

ля жизни! И все равно мужчины их не уважают. Они все время кричат и думают, что женщина никче. Конечно, я не такая женщина. Я такой же человек, не хуже и не глупее мужиков и это с ними наравне. У меня другие проблемы. Женщине очень трудно, когда она известна, ее знают тысячи людей, а ее мужчине трудно до нее подняться, встать с ней ровень. Когда я приезжаю в общество, все хотят говорить со мной, а мой мужчина никого не интересуется. Поэтому он должен быть очень сильным, уверенным в себе и знающим цену мне. Это должен быть специальный мужчина.

— У тебя всегда были «сезональные» мужчины?
— Не всегда вело. Было много всяких, но сейчас то, что надо. Он понимает, что вокруг меня всегда много людей, и не ревнует. Он крепко стоит на ногах. Мы уже пять лет вместе. Надеюсь, что это не долго. Хотя со мной трудно. Во-первых, для меня музыка и карьера на первом месте, а во-вторых, повторяю, я немножко сумасшедшая. Моя голова постоянно работает, идеи проносятся там с сумасшедшей скоростью. Мой типаж — это гениальный бытстрей. Поэтому мужчинам со мной трудно.

— Американцам — тоже?
— Это не зависит от национальности. Последние 10 лет я жила здесь, поэтому американских мужчин у меня не было. Официальный муж у меня был один — Юра Каспарян из «Кино». Наша любовь и наша свадьба — это была фантастика! Как в юности, которую читала в детстве: он король, ты — королева... Сейчас я понимаю, что любовь не главное, главное — дружба. В этом были наши с Юрой проблемы. Мы очень любили друг друга, но не были друзьями. Да, мы оба любили музыку, но были слишком разными людьми. Я никогда не видела более медлительного человека, чем он. Его жизнь текла совсем с другой скоростью. Ни в ритме жизни, ни во взглядах на нее мы не совпадали. Я думала, что любовь — это навсегда. Главное — встретить ее, а все остальное просто. Но муж — это постоянная работа, это компромисс каждый день, это умение иногда делать вид, что слушаешь, уважаешь. Сейчас я это понимаю, потому что уже не молода.

— И насколько не молода?
— На тридцать четыре. Хотя и сейчас чувствую себя тинейджером. Хотя жизнь понимаю на 34 года, а то и больше. С Сашей Васильевым мы уже пять лет вместе, но я боюсь выходить замуж. Мы так хорошо живем, что мне ничего не хочется трогать. Он музыкант, раньше играл в группе «Центр», а сейчас пишет музыку.

— Мысль о традиционной семейной жизни не возникла — детей заводить, квартиру купить, дачу?

— Дачу — нет, а детей, конечно, хочу. Но, как настоящая американка, я понимаю, что не надо создавать себе проблем, пока молоды. Сначала надо самим пожить. В России рождают рано, а в Америке почти все это делают после 30-ти. Это нормально и совсем не опасно. Да и पहले надо подумать, как обеспечить детей, где взять деньги на их лечение и образование. Русские сейчас все больше и больше это понимают, потому что все стало дороже, как в Америке. Мы с Сашей пока не чувствуем, что у нас хватит работы и денег, чтобы обеспечить ребенка.

— Как ты относишься к быту: стирать, готовить, убирать?

— Я очень люблю... как это называется... пылесосить. И очень не люблю чистить ванну, туалет и мыть пол руками. Люблю стирать, потому что это делает стиральная машина. Конечно, я ленивая. Я не люблю тяжелую работу. Готовить русскую пищу я так и не научилась. Этим занимается муж — он готовит, очень хороший. Борщ, а я готовлю ризотто и мексиканской вариант овощей. Но иногда он требует мяса и кричит, что голоден от моих овощей. Правда, все оформляет в виде шутки. А когда мы жили с Юрой, нам готовила его мама, кстати, очень вкусно. Я там вообще ничего не делала.

— И так пришла из твоего жизненного опыта, что для тебя секс — не главное.

— Секс — очень важен. Но главное — дружба. Секс — очень хорошее средство от стресса. Когда у тебя частые стрессы, один хороший секс может дать хороший отдых. Мы забываем о том, что в жизни главное. Нас дают бизнес, работа, деньги, и мы забываем о простых жизненных вещах. И тогда достаточно секса с удовольствием, чтобы забыть обо всем, лежать и думать: а все же важно быть дома с человеком, который тебя любит.

— Вопрос на ушко: в сексуальном плане русские мужчины отличаются от американцев?

— Главное отличие русских от американцев находится вне постели. Америка — более цивилизованная страна, поэтому американцы больше уважают женщин, чем русские.

— Правда ли, что наши музыканты ли-

кут к тебе как мужи, потому что ты охотнее?

— Мои родители разошлись, когда мне было десять лет. Мы всегда принадлежали к среднему классу, и мать хотела дать нам хорошее образование. Поэтому мы переехали в самый богатый район Беверли Хилз, где жили в самом бедном местечке. Все ездили в школу на машинах, дорого одевались — обувь за 200 долларов, куртки — за 1000, а я себе не могла это куртку за 1000 долларов. Так что моя жизнь проходила рядом с богатыми людьми, но я никогда не была богата.

— Выглядит, твои американские родственники тебе не помогают?

— Только с едой. У меня есть кредитная карта, по которой я покупаю еду в валютном магазине. И то для того, чтобы моя мама была спокойна. Так что питаюсь я более-менее по-американски. На все остальное я зарабатываю сама. А я знаю, что публика думает, будто я миллионерка. И когда я еду в метро или иду по улице, часто слышу в стигу: «Еще одна фантака Джованна Стенгрой». Это смехотворно, потому что они не верят, что я могу просто так гулять по улице.

— Этим ты отличаешься от американцев. Там музыканты, наверное, не ходят по улицам и не едят в метро.

— Конечно, нет. Хотя Брюс Спрингстин, звезда первой величины, делает именно так. Все остальные сами по магазинам не ходят, для них это делают другие.

— Кто у вас в семье кормилец?

— Трудно сказать. От моей музыки я не получаю большой прибыли — делать рок в России, да еще на английском... Хотя я известна, но понимаю, что звездой не буду. Можно сказать, что денег получаю больше я, но в этом и его работа. А вообще в России на музыку много не зарабатываешь. Поэтому денег у нас немного, но главное, что мы вместе. Это мой выбор. Много раз мне говорили: «Пой русские песни, работай на дискотеках — и ты будешь богатой». Я же не хочу этого. Я довольна тем, что имею. Квартира у нас есть, пища есть, золото-бриллианты не покупаю, потому что не люблю. У меня нет машины — это жалко. У меня нет дорогой одежды и обуви, как любят многие женщины.

— Однако замуж ты вышла в шикарном белом платье «от кутюр»...

— Потому что мы думали: такое бывает раз в жизни.

— Время «Кино» — это были твои лучшие годы или лучшие, как всегда, «мертвые»?

— Этот период тусовки был лучшим в моей жизни. Это было очень похоже на Америку времен хиппи. Тогда страна была сплошной тусовкой — художники, поэты, музыканты. Я не помню того времени, но знаю людей, которые вспоминают то время, и в их глазах появляется что-то такое... Видно, это было самое лучшее время. В Ленинграде было то же самое. Это бывает только однажды и никогда не повторяется. Поэтому я счастлива, что была единственной из американцев, которая жила здесь и видела «золотой век» рок-н-ролла в России.

— А сейчас ты с кем тусуешься?

— Почти ни с кем. У меня сейчас другое время, каждый день много работы. Когда мне было 15—20 лет, я очень любила дискотеку и торчала там до утра. Это было так клево! А сейчас я успокоилась.

— Возраст берет свое?

— Да, может, это единственная вещь, которая говорит о том, что я стала старой: я не люблю дискотек. А во всем остальном я чувствую себя молодой. Иногда и встречаюсь с Гариком Сукачевым и его женой, иногда я люблю работать, потому что отношусь к этому не как к работе.

— Когда вы станете тетушкой Джо, ты тоже будешь такой же, будешь так же одеваться?

— Думаю, да. Во всяком случае, я всегда буду носить удобную одежду. Я никогда не буду следовать моде, хотя большинство женщин носит то, что модно сейчас. Но зачем покупать вещи, которые через полгода уйдут? Черные «ливайсы» я могу носить до самой смерти. И это будет модно. Никто не скажет, что это неактуально. Сейчас очень популярны комбинезоны и «милитари ботс». Я видела в Лос-Анджелесе старушку в этом прикиде. Выглядела она глупо, как клоун. У меня же свой собственный стиль. Думавшая, я буду странной бабушкой?

— Для России — нормально. У нас половина бабушек носит кроссовки и детские панталки. Бабушка Джо в бейсболке — тоже сойдет.

— Думаю, что к тому времени я сильно не изменюсь. Потому что это не ниндзя — это я.

Беседа велась Людмила ДРУЖНИНА. Фото Леонида ШАРАПОВА.